

Стренковский Сергей Петрович

кандидат исторических наук,
профессор кафедры управления,
проректор по учебно-методической работе
Минского городского института развития образования
(Республика Беларусь)
strenkovskii@minsk.edu.by

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В XIV–XVIII ВВ.

Аннотация:

В статье автором рассмотрены основные труды российских историков XIX – начала XX века, которые сгруппированы по общественно-политическим течениям (консервативное, либеральное) и школам (историко-правовая). Статья дает достаточно полное представление о взглядах российской историографии на городское самоуправление Беларуси. Сделаны обоснованные выводы о вкладе дореволюционных российских историков в изучение данной проблемы, отмечены определенные недостатки российской историографии, в первую очередь отрицательная оценка магдебургского права.

Ключевые слова: историография, городское самоуправление, магдебургское право, Великое княжество Литовское, ремесленный цех, магистрат, привилегии.

В связи с тем, что города занимают важное место в системе феодального общества, феодальных производственных отношений, в исторической литературе им отводилось много внимания. Поскольку самоуправление является неотъемлемой стороной городской жизни, то историки также не оставляли его вне поля своего зрения.

В России изучение истории белорусских городов времен Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой (далее – РП) началось сразу после разделов последней. Однако труды первой половины XIX в. отличались в основном описательным и этнографическим характером. Во второй половине XIX – начале XX в. исследованию истории городских поселений во времена ВКЛ и РП уделено большое внимание, в связи с общим интересом к изучению прошлого белорусских и украинских земель с целью обоснования законности их вхождения в состав Российской империи.

Представитель консервативного направления российской историографии Ф.П. Еленев считал немецкое право абсолютно чуждым народным представлениям, местным законам, утверждал, что оно ставило мещан «во враждебное положение к иным сословиям и как бы вне законов страны». По его мысли, давалось оно по образцу польских городов, куда оно было принесено немцами, которые в свою очередь составляли городское население Польши [1, с. 17].

С консервативных позиций также исходили М.О. Коялович и И.Д. Беляев, которые, придерживаясь теорий иноземного влияния, российского монархизма и православия, в своих трудах говорят об отрицательном влиянии западных соседей ВКЛ, превращении мещан в холопов полонизированными верхами [2; 3]. Эти историки подменяли процесс исторического развития изменением его внешних форм. М.О. Коялович утверждал, что в городах ВКЛ местный элемент имел большую возможность для развития, чем в польских, которые были подвержены

сильному наплыву иностранцев. Небольшое количество немцев и евреев в городах ВКЛ, отсутствие причин, которые содействовали бы поселению в городах иностранцев и притеснению местного населения, отсутствие польской шляхетской теории в Литве, по мнению М.О. Кояловича, консервировали в литовских городах патриархальность быта и силу «туземного городского населения» [2, с. 212]. Магдебургское право, по М.О. Кояловичу, оставляло управление в руках горожан и «сосредоточивалось в ратуше, где заседали бурмистр, лавники». Однако «народный характер городов литовских» не изменялся, в них преобладало «русское население» [2, с. 213]. При этом М.О. Коялович отмечал, что магдебургское право давало «русским людям» мощь, так как давало им «возможность объединить свои силы и действовать заодно» [2, с. 263].

Одним из первых представителей либеральной российской историографии, кого заинтересовал исторический путь городов ВКЛ и РП, был глава киевской исторической школы М.Ф. Владимирский-Буданов. Он считал, что белорусские города руководствовались общими принципами внутреннего устройства Вильны, Трок, Бреста. Как представитель историко-правовой школы М.Ф. Владимирский-Буданов определяющую роль в развитии общества отводил законам и ошибочно утверждал, что феодализм в ВКЛ попал путем заимствования немецкого права. Согласно его суждениям, введение магдебургского права «ввело сословную рознь, принизило общегосударственные права городского сословия» [4, с. 300, 302]. Именно в магдебургском праве он видел «причину упадка и бедности городов» [4, с. 302]. М.Ф. Владимирский-Буданов выделял три ступени в развитии городского самоуправления: 1) «власть войта не принадлежит городской общине»; 2) «городская община усваивает власть войта и управляется замкнутой радой»; 3) «власть рады ограничивается представительными учреждениями общины» [4, с. 156]. Вводя понятия полного и неполного магдебургского права, М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что полное создавало для самоуправления «надежную опору в представительных учреждениях». Он декларировал господство иноземных источников права в городских судах [5]. Однако положение М.Ф. Владимирского-Буданова о юридической изоляции городов не соответствует их реальному положению. Историк также отмечал, что хотя привилегии на магдебургское право и предоставляли городским правительствам законодательную власть, однако они ей не пользовались, так как не оставили «такой массы Weistüm'ов, которыми богаты архивы даже незначительных городов Германии». Объяснял это ученый тем, что в ВКЛ немецкое право «окаменело в неподвижном состоянии» [5, с. 34-35].

Применение магдебургского права в городских судах РП рассматривал В.Б. Антонович. Он переоценивал влияние немецкого права на самоуправление городских общин. Считал, что из него взяты только внешние формы городского строя, а в юридической практике руководящими нормами оставались местные обычаи. Вводя эту внешнюю сторону самоуправления по иноземным образцам правительство, по мысли В.Б. Антоновича, стремилось к подъему их из упадка, вызванного разложением древнерусского земского общинного быта. В.Б. Антонович утверждал, что мещане не были знакомы с конкретными нормами магдебургского права, а только в исключительных случаях приводили статьи из кодексов, но для формы и наугад. Привилегии считал «хартиями, которые гарантировали ту или иную долю самостоятельности». В его трудах утверждается, что нельзя найти «двух городов..., в которых устройство, которое будто бы основывалось на магдебургском праве, было бы подобным в подробностях одно другому или отвечало бы норме, которая устанавливалась магдебургским законом» [6].

Изучению появления магдебургского права, проникновению его в Польшу и ВКЛ, анализу сборников норм магдебургского права, изданных Б. Гроицким и П. Щербичем, посвящена монография Ф.В. Тарановского «Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи». Появление собственного суда и самоуправления историк объяснял развитием ремесленного труда и торговли, которые вызывали у горожан «стремление к свободе» [7, с. 2]. Ф.В. Тарановский считал, что «магдебургское право было действующим, действовало путем употребления судами различных ручных книг магдебургского права

польских юристов», но, с другой стороны, оно «терпело видоизменения от местных юридических обычаев и взглядов» [7, с. 33]. Он соглашался с В.Б. Антоновичем в том, что правительство давало городам магдебургское право, чтобы поднять их из упадка, к тому же видел в этом средство полонизации, стереотипную форму общинного самоуправления в РП. Однако при этом утверждал, что вводилась только внешняя сторона, а не магдебургское право в полном объеме [7, с. 18, 37, 55]. Причину того, что немецкое право попало в ВКЛ, Ф.В. Тарановский видел в «общем правовом строе средневековья, когда человек сам по себе был субъектом прав и носил с собой эти права, куда бы не явился». Процесс его распространения представлял как «особую форму рецепции иноземных прав, которая развивалась... путем судебной практики через усвоение частных популярных юридических сборников» [7, с. 52, введение]. Привилегии считал «хартиями, которые гарантировали городам ту или иную долю самостоятельности», а именно право устройства суда и управления по типу немецких общин, право регламентации жизненных отношений мещан на началах права этих общин» [7, с. 35].

Исторические судьбы белорусских городов исследовал в своей работе В.К. Стукалич [8]. Анализируя значение магдебургского права для развития ремесла и торговли, он попытался определить его влияние и на политическое положение горожан. В.К. Стукалич считал, что городское самоуправление в ВКЛ было «совсем искусственно организованным по чуждому немецкому образцу», что магдебургское право изменило «коренным образом весь уклад жизни и правовых отношений членов городского общества», что только до введения немецкого права города могли действовать самостоятельно, а после его дарования «всячески стремились уничтожить или, по крайней мере, видоизменить действие магдебургского права» [8, с. 4]. Как и другие российские историки, В.К. Стукалич утверждал, что история собственно городских общин начинается только после подчинения ВКЛ Польшей, так как до этого они являлись частью земли, в которой были «ничем иным, как крупнейшими из волостей и центрами вечевого жизни и княжеского военного управления» [8, с. 4]. Затем города стали обособленными юридическими лицами, подчиненными непосредственно монарху [8, с. 5]. Основаниями дарования магдебургского права городам В.К. Стукалич считал заинтересованность великих князей в их процветании, как источников значительных денежных средств для казны; в их росте, который был необходим для защиты и поддержания боеспособности замков. Целями же дарования историк называл защиту прав городских общин от шляхты и чиновничества, а также гарантию успешного развития в городах торговли и ремесел, установление единообразного состава городского населения [8, с. 18-21]. В.К. Стукалич отмечал, что, несмотря на магдебургские привилегии и государственное вмешательство с целью защитить города от проникновения в них феодалов, последние все-таки основывали в них свои юрдики, рост которых вел к упадку городов. По мысли В.К. Стукалича, этому содействовало ограничение городского самоуправления в пользу старост [8, с. 22-23], а также «паразитизм евреев» [8, с. 33]. В.К. Стукалич утверждал, что, получив магдебургское право, мещане не стремились изучить его содержание, а воспринимали его просто как «внешнюю гарантию своей внутренней общинной свободы», и вместе с тем стремились чужие формы самоуправления наполнить «характерным для славян духом общинной солидарности» [8, с. 33-34]. По мнению В.К. Стукалича, мещане при вечевом строе были равными, имели свободное общинное самоуправление и суд, в которых они могли проявлять свою активность. Магдебургское же самоуправление представляли выборные чиновники и судьи, которые находились под контролем соответственно «чуждых общине властей» и высших судебных инстанций [8, с. 33-34]. В.К. Стукалич отмечал, что сама высшая власть «смутно представляла городское право и разницу между выборными органами» [8, с. 34]. Он утверждал, что постепенно рада становилась независимой от городской общины и неизменной, как и лава, видел в ней средство «католицизма и полонизации» [8, с. 35]. Однако В.К. Стукалич выделял и ряд положительных, на его взгляд, моментов магдебургского права: возможность для горожан объединяться в единое целое и вместе отстаивать собственные интересы; прекращение закрепощения; опору,

хоть и слабую, в лице великого князя вместо связи с землей [8, с. 36-39]. Согласно представлениям В.К. Стукалича, цехи и братства были «отдельными самоуправляющимися группами городского населения». Если привилегии городам были инициативой собственно великих князей, которые действовали в своих интересах, то привилегии цехам были инициативой последних для того, чтобы обеспечить их права и интересы [8, с. 39-40].

Представитель исторической школы права Ф.И. Леонтович считал заимствование немецкого права городами ВКЛ «одним из первых актов разложения единства литовско-русских областей», видел его параллельным с полонизацией. Причинами дарования немецкого права называл не столько внутреннюю политику государства, направленную на укрепление государственной обороны и казны, а также промышленный подъем городов, но в наибольшей степени – стремление к насаждению католицизма и полонизации. Это историк подтверждал неравномерным размещением магдебургий на территории государства. Также Ф.И. Леонтович утверждал, что в общественном сознании немецкое право было вариантом польского; что магдебургии строились по польским шаблонам с дарованием городам независимой законодательной и судебно-административной власти. Наконец, по мнению Ф.И. Леонтовича, магдебургский строй привел к разложению и экономическому упадку городских общин, «подавлению в них всякой общественной самодеятельности, развитию эксплуатации городов польскими (позднее еврейскими) колониями» [9, с. 6-10].

А.И. Миловидов считал, что государственная власть дарила городам собственное управление и суд для поднятия их благоустройства и благосостояния, жертвуя своими правами, но постепенно. По этой причине даже самые привилегированные города постоянно чувствовали над собой замковую власть. В частновладельческих городах магдебургское право давалось только в тех размерах, которые были выгодны двору. Ограничением городского суда А.И. Миловидов считал право апелляции к замковому суду как к высшей судебной инстанции. Историк утверждал, что городская политика с XVII в. носила полонизаторский и прокатолический характер как по отношению к магистратам, так и к цехам. Он придерживался мнения о чужеродности магдебургского права общинному устройству литовско-русских городов, по причине чего они беднели, а их население бежало в деревни. Место же его занимали евреи. По А.И. Миловидову только принятие Беларуси в состав Российской империи исправило эту ситуацию [10, с. XVIII–XXVI].

Типичной для обобщающих трудов по истории ВКЛ можно назвать позицию Г.В. Вернадского, который утверждал, что положения германского городского права удовлетворяли великих князей и королей по причинам финансового характера; что существовало несколько вариантов этого права, которые были популярны в Польше (магдебургское и кульмское). Поддерживая Грушевского, историк считал, что правительство специально вводило магдебургское право, чтобы ослабить в городах ВКЛ русское влияние, предпринимало шаги по сокращению количества «русских» в магистратах. Будучи исключительно правом горожан-христиан, магдебургское право в порядке исключения распространялось также на караимов в Троках. Историк также писал, что великий князь Витовт специально исключил из числа пользователей немецкого права в городах Подляшья православных; что деление в некоторых городах магистрата на русскую и польскую половины давало льготы католикам; что при немецком праве магистрат являлся тесной корпорацией. Г.В. Вернадский приводит упрощенную схему городского самоуправления: во главе его войт, которого назначал великий князь и который передавал должность по наследству или мог продать; войт выбирал раду и бурмистра. Затем бурмистр назначался радой. В некоторых городах, по мнению В.Г. Вернадского, рада исполняла только функции муниципального управления, судебные же функции выполняла лава, члены которой назначались радой. За право пользования магдебургским правом города должны были платить особый налог великому князю. Магдебургское право, по мнению Г.В. Вернадского, в целом делало правовой статус

мещан более устойчивым, а также освобождало их от многих обязанностей, с другой стороны, мещане должны были терпеть конкуренцию со стороны шляхты [11].

Такое же отрицательное отношение к магдебургскому праву в городах ВКЛ в целом характерно для российских историков-авторов обобщающих работ: В.О. Ключевского [12]; Н.И. Кареева [13], А.Л. Погодина [14], Ф.М. Уманца [15], П.Д. Брянцева [16], И.П. Филевича [17].

Знаток истории евреев ВКЛ С.А. Бершадский в своих работах подробно рассмотрел содержание грамоты на магдебургское право трокским караимам, доказал ее подлинность, определил ее сходство с другими привилегиями на магдебургское право городам ВКЛ [18, с. 241–243]. С.А. Бершадский утверждал, что сущность магдебургского права наиболее точно определила только грамота Сигизмунда Кейстутовича Вильне 1431 (на самом деле 1432) года, а до этого никакого развития городской жизни в Литве не было [18, с. 247]. До конца XV в., как считал С.А. Бершадский, действия великих князей по дарованию магдебургского права были очень скудными, при этом он даже отрицал подлинность привилегии Витовта на магдебургское право Бресту. Главным плюсом магдебургского права С.А. Бершадский называл освобождение от власти воевод и наместников. Исследователь утверждал, что содержание магдебургского права было плохо известно в городах ВКЛ даже в XVI в., поэтому в судах действовало не оно, а обычное право [18, с. 248-249]. С.А. Бершадский видел изгнание евреев из ВКЛ при Александре Ягеллончике дополнительной причиной дарования городам магдебургского права и привилегий на земли [18, с. 256-257, 261].

Либеральный историк М.К. Любавский считал, что причиной введения магдебургского права было господствовавшее в Польше представление о том, что оно содействует успехам городов, приумножению их населения и доходов. Для этого мещане освобождались от волостных повинностей, власти должностных лиц государства, прав, которые препятствовали магдебургскому, им даровались определенные источники доходов – «оправы». При этом города должны были вносить соответствующую плату за право пользования привилегиями. Местное купечество сосредоточивало в своих руках розничную торговлю. Во главе самоуправления М.К. Любавский помещал наследственных войтов, которых назначал великий князь, с соответствующими доходами. Со временем города выкупали войтовства и делали эту должность выборной. Войт вместе с общиной выбирал радцев, которые, в свою очередь, выбирали бурмистров. Войт, бурмистры и радцы рассматривали все судебные дела, за исключением «четырех старостинских статей», суд по которым вершил государственный чиновник с радцами. Апелляции на решения городских судов направлялись великому князю. Кодексами магдебургского права служили Саксонское Зерцало и Магдебургские установления. Только в некоторых городах суд делился на раду и лаву с соответствующими полномочиями. После того, как должность войта становилась выборной, апеллировать на его решения можно было к раде, тогда как ранее от решений рады апеллировали к войту. М.К. Любавский писал, что рада вообще являлась скорее административным, нежели судебным органом. В городах могли вводиться дополнительные органы, такие как шафары и «18 мужей» в Вильне. Также М.К. Любавский утверждал, что при введении магдебургского права ему подчинялось все население города. Частновладельческие подданные освобождались от этого подданства и обязаны были платить своим бывшим владельцам только «позем» [19, с. 148-152].

Развитие городов затрагивал в своих работах последователь М.Ф. Владимирского-Буданова А.С. Грушевский. Особую роль в жизни городов он отводил старине и единству города и волости, как основам их существования. Вместе с тем, А.С. Грушевский признавал, что происходило разложение вечового строя, и власти были вынуждены стать на путь нововведений. Он констатировал рост городов как центров ремесла и торговли и, как результат, рост размежевания их с сельской округой, а также необходимость введения городского самоуправления, как средства сдерживания злоупотреблений [20].

М.В. Довнар-Запольский считал магдебургское право важным преимуществом белорусских мещан в сравнении с российскими [21, с. 328-331]. Он подчеркивал

поощрительный характер привилегий на магдебургское право, не соглашался с мнениями о его инородности и искусственности [22, с. 293]. М.В. Довнар-Запольский считал причиной введения магдебургского права то, что «правительство пришло к мысли заменить древнерусские начала и обычаи, которые разлагались по причине создания замкнутых шляхетского и городского сословий», а также «хозяйственные теории XVI века и плачевное состояние казны» [23, с. V-VI]. Историк утверждал, что магдебургское право могло примирить все слои населения городов, так как характеризовалось интернациональностью; что колонизация на немецком праве, характерная для Польши, была и в Литовской Руси; относил магдебургское право к отрасли финансовой политики властей государства. М.В. Довнар-Запольский отмечал, что войтовская привилегия служила для населения местечек на «сыром корне» гарантией использования немецкого права, но еще не была немецким правом в полном смысле [22, с. 274-284]. М.В. Довнар-Запольский также утверждал, что магдебургское право вводило вполне одинаковый механизм городского строя, но сильно отличалось в мелочах. Особое отличие в привилегиях касалось фискальных вопросов, оно отражало степень великокняжеского расположения к данному городу. Главную особенность городов на магдебургском праве историк видел в разрыве с волостью и значительном отличии в финансовом плане от городов на русском праве. Он также предлагал деление привилегированных городов на две группы: в первую группу входили города, которые имели «так называемые большие привилегии на магдебургию» и платили в казну чинш и капщину; в другую – города «с малыми привилегиями», которые платили чинш, промысловые налоги и стацію. «Малые привилегии на магдебургское право» этих последних М.В. Довнар-Запольский считал построенными по типу кульмского права. Влияние кульмского права он видел и в Уставе городам, включенном в «Устав на волоки». Города на кульмском праве историк считал земледельческими поселениями, переходным типом от села к городу [22, с. 329-335]. Приводя в «Актах Литовско-Русского государства» привилегии на кульмское право, М.В. Довнар-Запольский говорит о нем как о «неслучайной и редкой разновидности общенемецкого, которое сыграло в Литовской Руси крупную роль, хоть и под другим названием» [23, с. VIII].

В.И. Пичета видел причину изменений в положении горожан в выданных верховной властью привилегиях, что объяснял объективными условиями. Прогородская политика правительства, на его взгляд, имела целью рост доходов казны за счет увеличения объемов городской торговли. Одним из обстоятельств формирования городской политики видел инициативу горожан. Магдебургское право, как считал В.И. Пичета, ускорило естественный процесс превращения городов в особые сословно-административные единицы. В.И. Пичета также отмечал более высокий уровень развития городской жизни на западе Беларуси, чем на востоке [24, с. 67-69, 71-74, 75-82, 424-427]. Историк отрицал значительное польское влияние и воздействие на «разрушение сословного строя» и соответственно считал, что не следует придавать большое значение заимствованию форм магдебургского права в ВКЛ. Также среди причин дарования магдебургского права видел желание великих князей поднять экономическое развитие страны «путем возбуждения хозяйственного производства и деятельности городского населения», что было обратным процессу появления самоуправления в германских городах, где оно было следствием экономического расцвета. В первую очередь великие князья давали магдебургское право «узловым» городам. В.И. Пичета утверждал, что благодаря магдебургскому праву фактически исчезла возможность злоупотреблений со стороны должностных лиц государства [24, с. 426]. Западные волости ВКЛ, по словам В.И. Пичеты, при Стефане Батории, покрылись «сетью свободных общин» [24, с. 434]. Инициативу к великому князю по выдаче уставов и привилегий проявляло, по мысли историка, общее собрание горожан [24, с. 437]. Население имело определенную симпатию к магдебургскому праву, так как желало освободиться от власти государственной администрации [24, с. 456]. По мнению В.И. Пичеты, великие князья обычно назначали войтами кандидатов, которых предлагало население города [24, с. 461].

Таким образом, можно констатировать, что для дореволюционной российской историографии было характерным в целом отрицательное отношение к магдебургскому праву и созданному в связи с его введением городскому самоуправлению. Историки всячески подчеркивали полонизаторские цели его введения, прокатолический характер, содействие отрыву городов от волости, в чем видели причину их упадка. Выделяется также стремление к типизации структуры городского самоуправления, малая изученность собственно белорусских систем городского самоуправления, преувеличение влияния еврейского населения на жизнь городов.

Только в трудах М.В. Довнар-Запольского и В.И. Пичеты начинается определенный отход от формально-юридического взгляда на историю городского самоуправления, подчеркиваются его положительные черты и объективный характер.

Заслугой дореволюционных российских историков можно назвать введение в научный обиход большого количества источников.

Ссылки:

1. Еленев, Ф.П. Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь. СПб., 1863.
2. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М., 1864.
3. Беляев И.Д. История Полоцка и Северо-Западной Руси с древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871–1875 г. Тома I–VI. Киев, [1877].
6. Антонович В.Б. Исследования о городах Юго-Западной России по актам 1432–1798 гг. / Владимир Антонович. Предисловие к 1 т. 5 ч. Архива Юго-Западной России. Киев, 1870.
7. Тарановский Ф.В. Обзор памятников Магдебургского права западнорусских городов Литовской эпохи. Варшава, 1897.
8. Стукалич В.К. Белоруссия и Литва: Очерки по истории городов Белоруссии. Витебск, 1894.
9. Леонтович Ф.И. Сословный тип территориального-административного состава Литовского государства и его причины. СПб., 1895.
10. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки Вып. 4. Вильна, 1903.
11. Вернадский, Г.В. Горожане // Г.В.Вернадский. Россия в средние века. VI. Западная Русь в XVI веке (3 часть). URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/VGV/vgv463.htm#vgv463para11>. (Дата доступа: 25.01.2008).
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989. Т. 3.
13. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т.3.
14. Погодин А.Л. Очерк истории Польши. М., 1908.
15. Уманец Ф.М. Вырождение Польши. СПб., 1872.
16. Брянцев П.Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889.
17. Филевич, И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894.
18. Бершадский С.А. Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388–1569 г.). Спб., 1883.
19. Любавский М.К. Очерк истории Литовско – Русского государства до Люблинской унии включительно. Санкт-Петербург, 2004.
20. Грушевский А.С. Города В. Княжества Литовского в XIV–XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев, 1918.
21. Довнар-Запольский М.В. Белорусское прошлое. Киев, 1909. Т.1.
22. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901.
23. Акты Литовско-Русского государства. М., 1899. Вып.1 (1390–1529).
24. Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско – Русском государстве. М., 1958.